

№ 61 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Февраль, 2017

КАНАРЕЙКА В УГОЛЬНОЙ ШАХТЕ

ПОЧЕМУ США ПЕРЕЖИВАЮТ ЭПИДЕМИЮ
НЕИЗБИРАТЕЛЬНЫХ МАССОВЫХ УБИЙСТВ

Питер Турчин

Об авторе:

Питер Турчин

профессор, факультет экологии и эволюционной биологии Коннектикутского университета, США

В былые времена шахтеры брали с собой в угольный забой клетку с канарейкой. Если птичка вдруг падала замертво, это означало, что в шахту просачивается смертельный угарный газ... Рост числа массовых убийств в Америке в последние несколько десятилетий – это все равно как если бы канарейки стали гибнуть вокруг всех нас, предупреждая тем самым о приближении страшных бед.

Данный текст отражает личное мнение автора, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

Предисловие: массовая эпидемия терроризма

7 июля 2016 года ветеран афганской войны Мика Джонсон провел нечто вроде военной операции против полиции Далласа, штат Техас. Пока его не взорвал робот-полицейский, он успел убить пять офицеров полиции, ранить девять полицейских и двух гражданских лиц.

Джонсон вышел на тропу войны, когда сторонники движения «Жизнь чернокожих американцев имеет значение» (Black Lives Matter) проводили демонстрацию. Это движение выступает против убийств безоружных афроамериканцев полицейскими. Собственно, тот же лозунг в ходе своей акции озвучил и Джонсон. Его цель заключалась в том, чтобы «убивать белых, особенно белых офицеров».

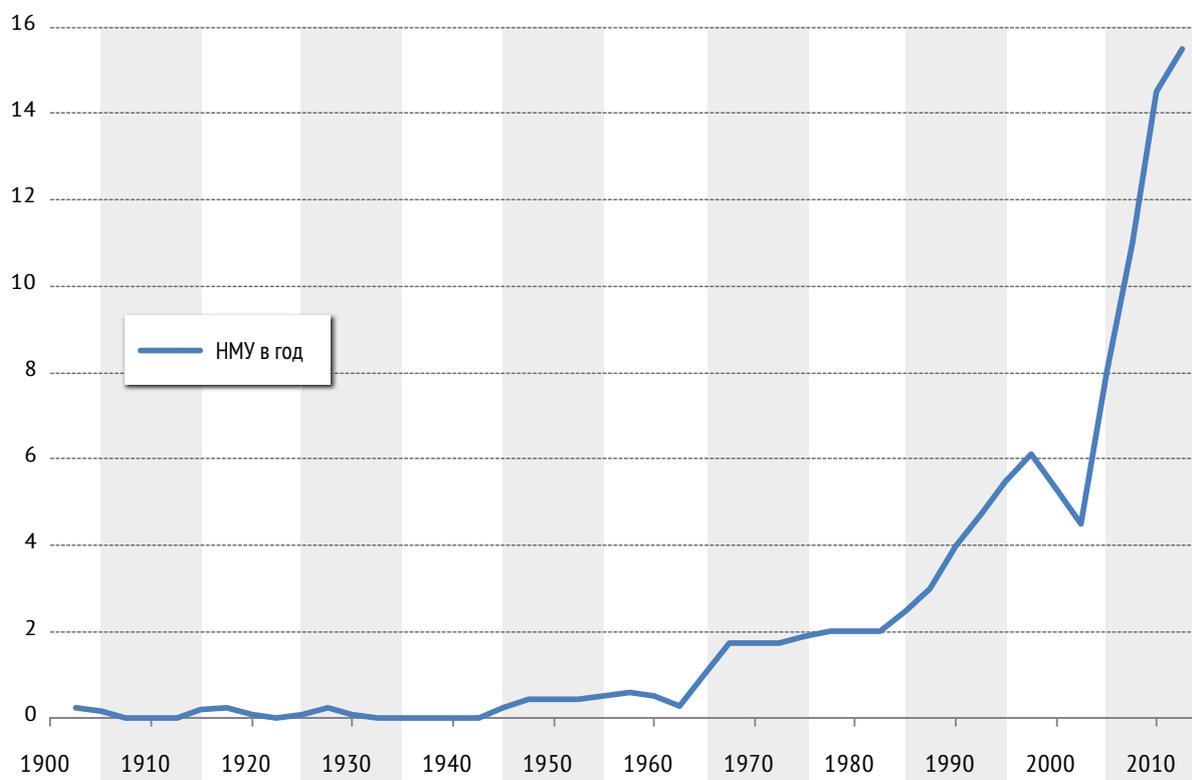
Хотя в средствах массовой информации этот приступ неистовства не обозначался словом «терроризм», это был именно террор. Согласно общему определению, «в широком смысле терроризм – это применение умышленно неизбирательного насилия (террора) ради достижения политических, религиозных или идеологических целей». У терроризма может быть много целей: создание атмосферы страха, оказание воздействия на политику, кара или месть, а иногда даже уничтожение конкретной группы лиц. Однако цели террористов не всегда известны и нередко бывают неопределенны. Главная особенность террористического насилия состоит в том, что оно *умышленно неизбирательно, хаотично*. Это, по мнению автора данной статьи, определяющая черта терроризма: мишенью становится не конкретная личность или конкретные люди, но любой, кто принадлежит к данной группе людей (или даже всему обществу).

Впрочем, «неизбирательное» не означает «случайное». Террористы, открывающие беспорядочную стрельбу, имеют конкретную мишень, хотя их агрессия не направлена против конкретной личности. Как пишет гарвардский социолог Кэтрин Ньюман в книге *Rampage: The Social Roots of School Shootings*, стрельба в школе, как это было в случае с побоищем в Колумбайн, обычно имеет целью уничтожение всей школы как заведения. Аналогичным образом террор на рабочем месте – это нападение на всю компанию или корпоративную культуру в целом, а не на отдельных сотрудников или начальников.

«Неразборчивость», «бессмысленность» или «хаотичность» такого насилия проистекают из принципа социальной подмены, как называют его социологи. Например, воины на поле боя нацелены на то, чтобы убивать всех, кто облачен в форму противника. Вражеские солдаты в данном случае – это социальная подмена. Аналогичным образом Джонсон убил полицейских, которые никогда не делали ему лично ничего плохого. Кроме того, насколько нам известно, никто из его жертв никогда не стрелял в безоружного чернокожего американца. Джонсон напал не на конкретных людей, а на учреждение, к которому они принадлежали. Единственное отличие между обезумевшим стрелком-экстремистом, таким как Мика Джонсон, и террористом-подрывником, таким как Тимоти Маквей – это оружие, которым они пользовались. Оба были террористами, поскольку их целью были не отдельные люди, а группы, социальные или политические институты или все общество.

ЧАСТОТА СЛУЧАЕВ НМУ, 1900–2015 ГГ.

Рисунок 1

Источник: База данных USPV

Неизбирательное массовое убийство (НМУ) посредством стрелкового оружия давно уже стало неотъемлемой чертой Америки. Более века тому назад, в 1900 году, Роберт Чарльз, руководившийся примерно теми же мотивами, что и Мика Джонсон, открыл беспорядочную стрельбу в Новом Орлеане. До того, как его застрелили, он успел убить шестерых белых офицеров и трех других белых людей. Однако частота НМУ со временем менялась. Если до 1965 года подобные случаи были крайне редки, то в последние пять десятилетий мы увидели их взрывной рост. В Базе данных насилия по политическим мотивам в США (Турчин 2012) собрана информация по таким НМУ как беспорядочная стрельба на рабочем месте, в школах, нападения на религиозные или этнические группы, на правительство и на его представителей. С 1965 по 2015 годы число таких случаев не просто росло, а росло стремительно, как это видно на графике (см. рисунок 1).

Даже с учетом таких факторов, как рост численности населения США и возросшее внимание СМИ к подобным происшествиям, даже по самым консервативным оценкам, число случаев НМУ в течение последних 50 лет выросло не менее чем в 10 раз.

Причины эпидемии НМУ

Соединенные Штаты находятся в центре массовой эпидемии терроризма, масштабы и причины которой плохо изучены и поняты. Автор данной статьи полагает, что эпидемия НМУ – внешнее отражение ряда негативных, долговременных тенденций в американском обществе. Если мы хотим понять причины эпидемии НМУ, нам нужно, прежде всего, понять, как Америка изменилась с 1965 года. Поскольку человеческие общества – это динамичные системы, нам нужно также проследить, как перемены в разных частях целого влияли на другие компоненты системы.

Моя цель – объяснить эти глубокие структурные сдвиги в американском государственном устройстве. Вопрос не в том, почему Мика Джонсон решил начать войну с департаментом полиции Далласа, или почему Тимоти Маквей применил оружие против правительства США. Главный вопрос: почему число подобных терактов резко возросло в течение последних пяти десятилетий.

Ответ дает клиодинамика – новая междисциплинарная наука, позволяющая по-новому взглянуть на историю. Клиодинамические исследования показывают, что все человеческие общества, организованные как государства, переживают периодические волны нарастающего политического насилия, достигающие кульминации в крахе государственной власти, революции или гражданской войне. Исследования исторических обществ американским социологом Джеком Голдстоуном, российскими историками Андреем Коротаевым и Сергеем Нефедовым и мной за последние три десятилетия позволили выявить структурные причины подобных волн нестабильности. Наша теория (известная как структурно-демографическая теория или СДТ) вылилась в разработку математических моделей и была проверена на обширном историческом материале (см., например, *Secular Cycles*). Десять лет тому назад я начал применять инструментарий этой теории к обществу, в котором живу: Соединенным Штатам.

В процессе исследования было выявлено, что каждый из более чем 40 вроде бы разрозненных (но согласно СДТ, связанных друг с другом) социальных индикаторов резко изменился примерно в 1970-е годы. Исторически эта динамика всегда была главным показателем надвигающегося политического хаоса. Сконструированная мной динамическая модель, резюмирующая эмпирически наблюдаемые взаимодействия между структурными демографическими факторами, указывает на то, что социальная нестабильность и политическое насилие достигнут пика в 2020-е годы (см. *Political Instability May be a Contributor in the Coming Decade*; модель объясняется в книге *Ages of Discord*).

В построенной модели сложное человеческое общество представлено в виде динамической системы с тремя подразделами: общее население (неэлиты), элиты и государство. Я употребляю термин «элиты» в нейтральном социологическом значении «власти предрержащие». Это лишь небольшая часть общества (обычно 1–2%), сосредоточивающая в своих руках основную власть в обществе, которая проявляется, как минимум, в четырех формах: военная (принудительная), экономическая, административная и идеологическая. В США традиционно преобладают экономические элиты (подробности смотрите в книге Уильяма Домхофа *Who Rules America?*, и в главе 4 книги *Ages of Discord*). Таким образом, в первом приближении американские элиты можно рассматривать как обладателей богатства. Ниже я сосредоточусь на сегменте американских граждан, личное состояние которых

превышает 10 миллионов долларов. Однако не существует четкой границы, отделяющей элиты от неэлит (в нашем историческом анализе мы часто подразделяем все элиты на под-категории, такие как магнаты, элиты среднего уровня и элиты нижнего уровня).

Логику теории и того, как можно ею пользоваться, я объясняю в своей недавно изданной книге *Ages of Discord: A Structural-Demographic Analysis of American History*. Здесь же я вкратце излагаю ее содержание. В этой работе говорится о двух волнах социально-политической нестабильности в американской истории. Первая накрыла страну в XIX веке (на ее пике произошла Гражданская война), а вторая волна нарастает с 1970-х годов (и, на-верно, достигнет пика в начале 2020-х годов).

Самой фундаментальной силой в структурно-демографической модели является баланс между предложением рабочей силы и спросом на нее. В течение последних пятидесяти лет предложение рабочей силы в США расширилось гораздо быстрее спроса. Это объясняется несколькими факторами, сработавшими одновременно: рост населения (особенно в период бума рождаемости или бэби-бума), приток иммигрантов (с 1965 по 2015 годы процент иностранцев среди рабочих Америки вырос с 5% до 16%) и массовый приток женщин на рынок труда. С точки зрения спроса самыми важными были два фактора: перемещение американских рабочих мест за рубеж, что находит отражение в торговом балансе (последним годом положительного торгового баланса был 1975-й) и, в последнее время, потеря рабочих мест в силу технологических изменений (автоматизация и роботизация).

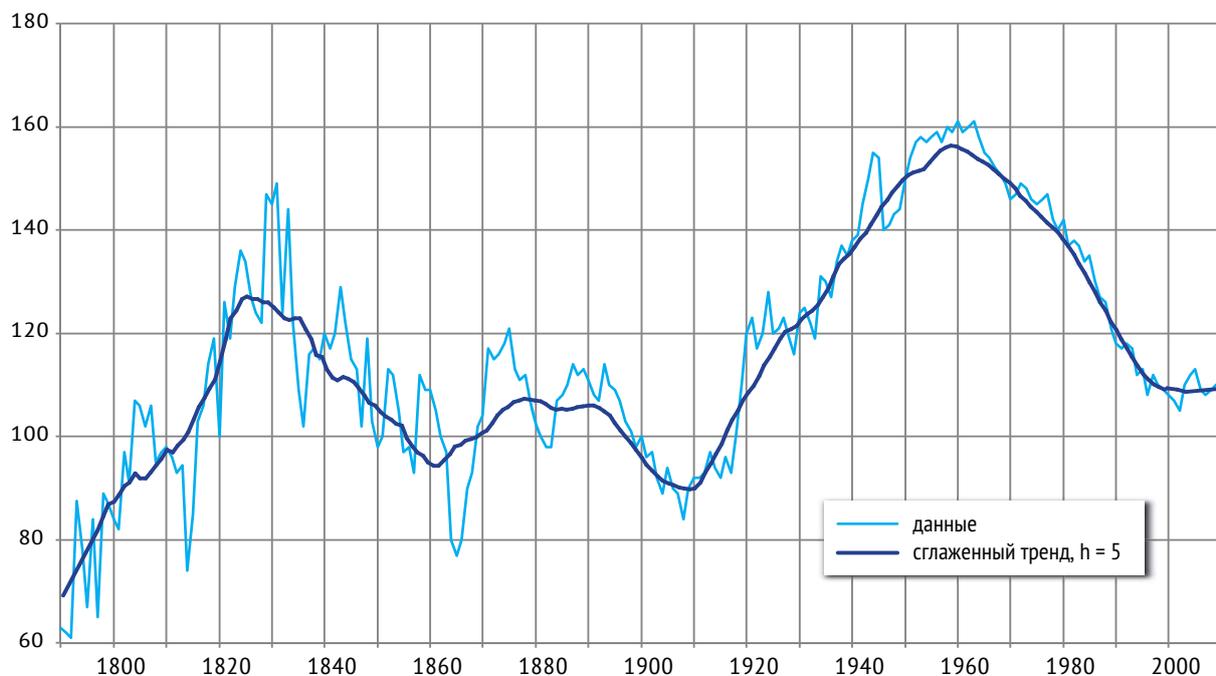
Несмотря на замысловатое взаимодействие факторов, влияющих на баланс предложения рабочей силы и спроса на нее, они оказывали сильное воздействие на заработную плату рабочих. На графике исследуется один из показателей самочувствия синих и белых воротничков в экономике: относительная заработная плата, определяемая как типичная (медианная) оплата труда, поделенная на ВВП на душу населения.

Если с 1910 по 1960 годы относительная заработная плата, по сути дела, плавно росла (если не считать колебаний, вызванных бизнес-циклами), то в течение последних пяти десятилетий мы видим ее понижательную тенденцию. Самое резкое снижение имело место после 1980 года. Другими словами, рабочим достается все меньшая доля плодов экономического роста. Еще один способ взглянуть на этот сдвиг – сравнить тренд реальной заработной платы американских рабочих (с поправкой на инфляцию) с производительностью труда. В 1970-х годах две кривые разошлись: производительность труда продолжала расти, а рост зарплат остановился.

Аналогичная закономерность прослеживается и при анализе неэкономических показателей благополучия – например, показателей, связанных с состоянием здоровья населения. Примечательно, что средний рост людей, родившихся в Америке, быстро увеличивавшийся в течение большей части XX века, прекратил увеличиваться после 1975 года. Еще больше поражает недавнее снижение ожидаемой продолжительности жизни среди некоторых сегментов населения США – в частности, среди белых американцев среднего возраста.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА В США, 1780–2010 ГГ.

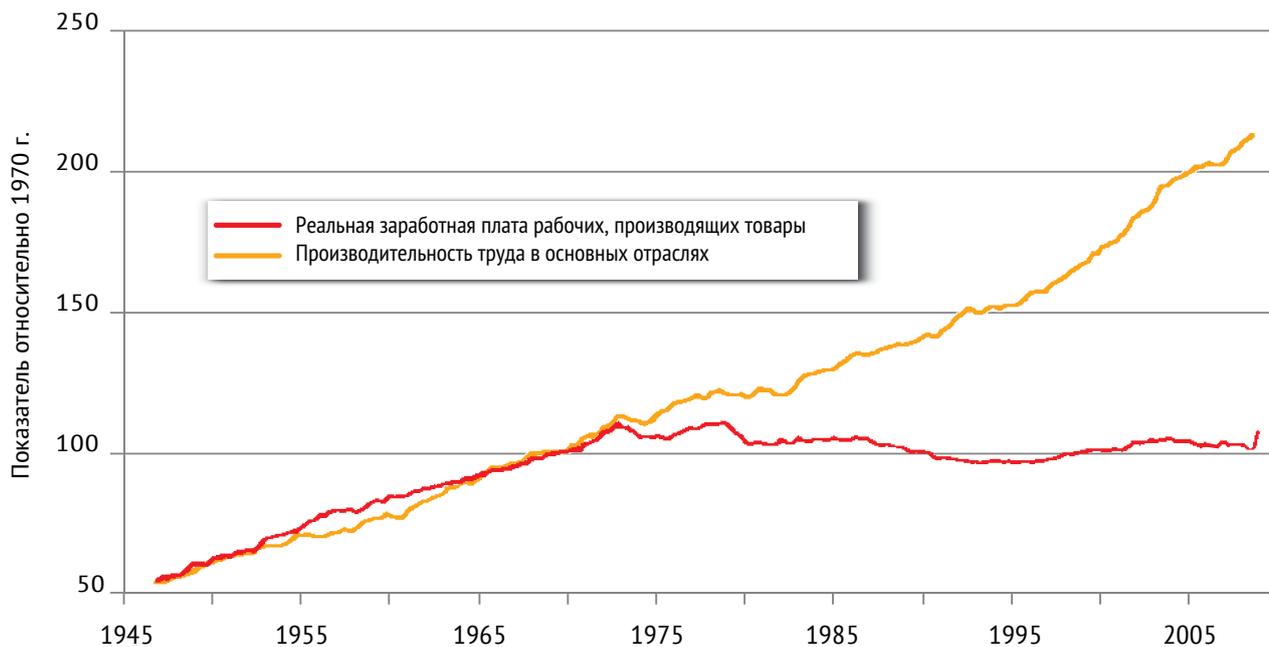
Рисунок 2

Источник: Рис. 3.4 в книге «Ages of Discord»

РЕАЛЬНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ США

Рисунок 3

Источник: Bureau of Labor Statistics

Такие явления как расхождение производительности труда с уровнем зарплат, растущее неравенство доходов и богатства, а также не растущее или даже снижающееся благосостояние большинства американцев отмечается и обсуждается социологами и политологами (хотя большинство из них склонны сосредоточиваться на одном срезе проблемы и не оценивают взаимосвязь этих явлений). Большинство экспертов, однако, упускают из виду ключевую роль «перепроизводства элиты» и конкуренцию внутри элиты, вызывающую волны политического насилия – как в исторических обществах, так и в нашем, современном.

Перепроизводство элиты – еще одно следствие закона предложения и спроса. Элиты (как в аграрном, так и в капиталистическом обществе) – это потребители рабочей силы. Низкая оплата труда приводит не только к снижению уровня жизни большого сегмента населения (сотрудников, особенно рабочих с низкой квалификацией), но также к благоприятной экономической конъюнктуре для элит (конкретнее, для экономических элит – работодателей).

Пока дела идут неплохо (для элит). Но у этой динамики есть несколько негативных последствий, которые будут постепенно нарастать на протяжении жизни одного поколения. Во-первых, элиты привыкают к более высоким уровням потребления. Помимо этого, конкуренция за социальный статус и положение подстегивает «показное потребление» (покупку вещей, сигнализирующих высокий социальный статус). Таким образом, минимальный уровень ресурсов, необходимых для поддержания элитного статуса, все время растет.

Во-вторых, численность элит увеличивается в соотношении с остальным населением. Благоприятная экономическая конъюнктура для работодателей позволяет немалому числу умных, трудолюбивых или просто удачливых людей накопить капитал, а затем попытаться перевести его в социальный статус. В итоге движение вверх и пополнение рядов элиты значительно превосходит движение вниз. Третье следствие заключается в том, что родственные процессы снижающегося уровня жизни у простых людей и повышения уровня потребления у элит усиливают экономическое неравенство и вызывают недовольство у бедных (и все более обездоленных и бесправных) граждан общества.

Вследствие растущего аппетита и численности элит, увеличивается потребляемая ими доля общего экономического пирога. В какой-то момент появляется слишком много людей, стремящихся влиться в ряды элиты и занять немногочисленные высшие посты в политике и экономике. Перепроизводство элиты – это термин СДТ, означающий дисбаланс между предложением элитных постов и спросом на них у тех, кто стремится влиться в элиту.

Перепроизводство элит приводит к усиливающейся внутренней конкуренции. Она будет особенно острой за посты в правительстве, которые остаются по сути неизменными, особенно на высшем уровне. Демократическая система правления дает возможность осуществлять ненасильственную смену элит; однако в конечном итоге она зависит от готовности и желания устоявшихся элит уступить конкурентам места во власти. При этом, по мере экспонентного роста числа новых честолюбивых претендентов, растет и количество недовольных представителей новой элиты, которым было отказано в доступе к ме-

сту под солнцем. Вследствие обостряющейся конкуренции внутри элиты, возрастает и вероятность внутреннего насильственного конфликта.

Следовательно, теория позволяет провести следующее обобщение: избыточное предложение рабочей силы должно вести как к падению уровня жизни рабочих, так и к перепроизводству элиты (с задержкой во времени). В свою очередь, эти факторы подрывают стабильность и силу государства (см. ниже) и, в конце концов, вызывают волну длительной и интенсивной социально-политической нестабильности. Хотя быстрый рост населения – один из самых важных предвестников волн нестабильности (и главный фактор нестабильности в аграрных обществах, не переживших модернизацию), важно подчеркнуть, что структурно-демографическая теория – это не сырая мальтузианская модель. Рост населения вызывает политическое насилие опосредованно, через социальные структуры – прежде всего, через отношения между элитами и остальным населением, внутри элит, и между элитами и государством. Теория последовательно, динамично и гармонично объединяет в себе идеи Мальтуса, Маркса и Вебера.

Поворотный момент 1970-х

Вот как эта структурно-демографическая динамика проявилась в современной истории Соединенных Штатов. Корни нынешней непростой ситуации в Америке уходят в 1970-е годы, когда, как я уже писал выше, заработная плата рабочих перестала поспевать за ростом производительности труда. Расхождение между производительностью труда и заработной платой также привело к увеличению пропасти между состоянием 1% привилегированного сословия и остальных 99% населения. Это явление широко обсуждается, но его последствия в виде долгосрочного политического беспорядка и хаоса недооцениваются.

Рост неравенства в последние четыре десятилетия приводило не только к росту крупных состояний, но и к увеличению числа держателей богатства. 1% превращается в 2% или даже больше. В США сегодня намного больше миллионеров, мультимиллионеров и миллиардеров, чем 30 лет тому назад. В качестве примера, согласно исследованию, проведенному экономистом Эдвардом Вольфом, можно указать на то, что в 1983-2010 годах число американских домохозяйств состоянием не менее 10 миллионов долларов (по курсу 1995 года) выросло с 66 до 350 тысяч. В пропорциональном отношении процент домохозяйств, состояние которых оценивалось восьмизначными цифрами, увеличилось с 0,08 до 0,30% всех домохозяйств США.

Обычно богатые американцы более активно участвуют в политической жизни, чем остальное население. Они поддерживают кандидатов, разделяющих их взгляды и ценности (пример: братья Кох). Некоторые из них даже баллотируются на разные должности

(примеры – Майкл Блумберг, Митт Ромни и Дональд Трамп). Вместе с тем, число политических должностей и портфелей остается неизменным. В стране по-прежнему 100 сенаторов и 435 конгрессменов и лишь один президент – то есть, то же число, что и в 1970 году. Вот что в действительности означает «перепроизводство элит».

Ярким показателем является перепроизводство дипломированных юристов. По данным Американской ассоциации юристов, с середины 1970-х годов до 2011 года количество представителей этой профессии утроилось – с 400 000 до 1,2 миллионов. Между тем население страны за этот же период выросло только на 45%. По недавним оценкам Economic Modeling Specialists Intl., квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката проходит в два раза больше выпускников юридических факультетов, чем фактическое число имеющихся для них вакансий на рынке труда. Иными словами, каждый год юридические факультеты США выпускают 25 000 избыточных, невостребованных юристов, многие из которых сидят в долгах. Немалое их число поступает на юридические факультеты с амбициями однажды заняться политикой и присоединиться к американской политической элите.

Перепроизводство элиты в целом приводит к усилению конкуренции внутри нее, что постепенно подрывает дух сотрудничества; за этим следует идеологическая поляризация и раздробление политического класса. Это происходит потому, что чем больше людей соперничает за попадание в элитное сословие, тем больше появляется проигравших. Большой категории недовольных карьеристов и кандидатов на присоединение к элите, часто высокообразованных, богатых и способных людей, отказано в доступе к элитным должностям. Вот почему множество отчаявшихся выпускников юридических факультетов, а также богатых неудачников с политическими амбициями становятся угрозой для политической стабильности американского общества.

Рамки данной статьи не позволяют подробно обсудить третий фактор, влияющий на стабильность крупных обществ в рамках структурно-демографической теории (помимо обнищания народа и перепроизводства элиты): ухудшающееся финансовое здоровье государства. В настоящее время этот фактор пока еще не актуален для понимания главного вопроса: почему мы стали свидетелями эпидемии НМУ? Однако различные структурно-демографические факторы со временем становятся все более серьезными причинами растущей нестабильности общества. Сначала начинается обнищание народа; затем, с некоторым запаздыванием, происходит перепроизводство элиты и, наконец, сочетание этих двух факторов со временем подрывает финансовое здоровье государства (см. книгу Джека Голдстоуна *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*). В настоящее время положение Соединенных Штатов как мирового гегемона и их способность печатать столько долларов, сколько они сочтут нужным (коль скоро остальной мир их принимает), позволяют этой стране откладывать последствия огромного дефицита государственного бюджета на многие годы и даже десятилетия.

Если обобщить экономическую, социальную и политическую динамику в США с позиций структурно-демографической теории, то мы увидим, что в течение нескольких последних десятилетий росло социальное давление, приводящее к нестабильности. Эпидемия НМУ – внешний индикатор этих глубоких структурных сдвигов.

Почему основная форма нынешнего политического насилия — это массовые убийства из стрелкового оружия

Социально-политическая нестабильность может принимать разные формы. Проведя анализ политического насилия в Соединенных Штатах с 1780 по 2010 годы (Турчин 2013; см. также базу данных USPV), я выделил три основные формы, традиционно используемые американцами: *бунты* (одни группы против других), *линчевания* (группы против отдельных лиц) и *терроризм* (отдельные лица против групп). На протяжении большей части американской истории все три основные формы политического насилия имели склонность одновременно усиливаться и ослабевать. Но в современной Америке политическое насилие чаще всего выражается в виде терроризма, а конкретно – в виде беспорядочной стрельбы. Почему?

Чтобы понять это, нужно вспомнить, что у Соединенных Штатов – самое сильное и дееспособное государство на планете. Его военное превосходство над другими мировыми державами очевидно, но американское государство не менее сильно внутри страны. Местная полиция лояльна существующему правопорядку, прекрасно вооружена и получает хорошее финансирование. Фактически полиция взяла на вооружение большую часть вооружений и тактики, разработанных армией в процессе внешних войн для обуздания внутренней нестабильности – например, бунтов. Федеральная полиция (ФБР) также очень дееспособная организация. Она настолько эффективна, что вряд ли будет преувеличением предположить: как только в криминальном заговоре по подрыву правопорядка будет участвовать трое или более человек, одним из них непременно будет информатор ФБР.

Вследствие этого политическое насилие, инициируемое группами, эффективно подавляется. Линчевания стали крайне редким явлением. Лишь спонтанные, незапланированные бунты, такие как бунт Родни Кинга в 1992 году в Лос-Анджелесе, имеют минимальные шансы на то, чтобы превратиться в серьезный акт политического насилия. Однако власти скорректировали свою тактику после бунта Родни Кинга, и сегодня вероятность бунта аналогичного масштаба намного ниже. Присутствие полиции специального назначения по охране общественного порядка с тяжелыми вооружениями – это одновременно сдерживающий фактор и сила быстрого реагирования на случай перерастания мирной демонстрации в беспорядки с применением насилия.

Таким образом, терроризм сегодня является единственной возможностью выплеснуть нарастающее социальное напряжение, чреватое внутренним политическим насилием, но только когда теракт планируется одним, максимум двумя террористами. Из базы данных USPV видно, какое разнообразное оружие используют американские террористы: бомбы, ножи, споры сибирской язвы, автомобили и даже самолеты. Однако наиболее предпочтительным оружием террориста остается стрелковое оружие по той простой причине, что мощное стрелковое оружие можно легко приобрести в большинстве американских штатов. Согласно данным за 2015 год, в 40% американских домовладений имеется минимум одна единица стрелкового оружия.

Альтернативные объяснения эпидемии НМУ

Давайте вкратце рассмотрим два возможных объяснения и альтернативы СДТ, чаще всего встречающиеся в ведущих СМИ при обсуждении НМУ: оружие на руках у населения и умственные заболевания.

Оружие: Фактические данные убедительно опровергают объяснение, согласно которому число НМУ увеличивается по причине меняющихся правил продажи оружия и владения им. В течение последних нескольких десятилетий был принят ряд законов, которые ввели дополнительные ограничения на покупку мощного огнестрельного оружия. Отчасти в силу этих законов, но, возможно, больше по причине культурных перемен в обществе, доля американцев, владеющих оружием, неуклонно снижается. Доля домовладений, имеющих огнестрельное оружие, снизилось с более чем 50% в 1970-х годах до около 40% сегодня. Поскольку тенденция приобретения стрелкового оружия противоречит тенденции учащения НМУ, этим нельзя объяснить причины роста НМУ.

Это не означает, что предлагаемые меры сдерживания распространения оружия среди населения не смогут снизить количество НМУ. Количество НМУ уменьшится, как уменьшится и количество человек, гибнущих в каждом инциденте. В целом эти меры приведут к снижению числа гибнущих невиновных людей, хотя и не снимут структурно-демографического давления. Другой вопрос: возможно ли разоружить американцев, не спровоцировав при этом массового восстания.

Умственные заболевания: Это одно из самых распространенных объяснений растущего числа НМУ. Как пишет Клейтон Кремер, «По меньшей мере, половина массовых убийц (а также многих других убийц) – это умственно неполноценные люди, давно страдающие от психических и душевных заболеваний». Проблема с этим объяснением в том, что миллионы американцев страдают от каких-то душевных заболеваний. Например, «в начале 1980-х годов в США жило около двух миллионов людей с хроническими расстройствами психики». Тем не менее, ничтожно малая доля этих людей совершают массовые убийства.

Кроме того, многие умственные заболевания, такие как большинство разновидностей шизофрении, в действительности делают людей, страдающих ими, *менее* агрессивными (Мецль и Маклейш, 2015 г.). В ретроспективе легко сказать, например, что у Адама Лэнзы, убившего 20 детей и шестерых взрослых в начальной школе Сэнди Хук, ранее диагностировали синдром Аспергера. Но синдром Аспергера – это мягкая форма аутизма, не увеличивающая склонность человека к насилию, насколько это известно психиатрам (см. статью Присциллы Гилман *Don't Blame Autism for Newtown*, *New York Times*).

Нет никаких доказательств того, что доля американцев с психическими заболеваниями выросла с 1965 года, и уж, конечно, она не росла теми же темпами, что НМУ. Помните, что число случаев НМУ выросло больше, чем на порядок. Некоторые обозреватели указывают на послабления в отношении обязательного лечения душевнобольных, которые произошли в годы пребывания у власти администрации Рейгана. Но опять-таки кривая случаев НМУ не показывает «резкого роста» в эти годы, который можно было бы ожидать, если бы это было главной причиной.

Еще одно важное наблюдение состоит в том, что количество насильственных смертей в США снижалось в 1990-е годы, что совпало с так называемой революцией в ограничении свободы. Многие из тех, кто страдал буйным помешательством, были помещены за решетку, вследствие чего снизилось общее количество убийств. Однако количество НМУ продолжало расти.

Расходящиеся траектории бытовых убийств и случаев НМУ серьезно затрудняет задачу тех, кто хочет объяснить учащение НМУ распространением стрелкового оружия и душевных заболеваний. Если НМУ – еще одна разновидность убийства, то почему тогда общее количество убийств снижалось, начиная с 1990-х годов, а число НМУ росло? Даже «массовые убийства», то есть случаи убийства четырех или более человек, не увеличивались или даже сократились в период с 1980-х по 2000-е годы. Но подавляющее большинство этих убийств нельзя причислить к НМУ, потому что они направлены против конкретных лиц и обычно начинаются со стычки или потасовки между людьми, знающими друг друга. Согласно СДТ, *неизбирательное* массовое убийство – это отдельная концептуальная категория – разновидность политического насилия, отличная от обычного преступления, а потому нет никаких оснований надеяться на то, что бытовые убийства и НМУ будут подчиняться одним и тем же закономерностям.

Выводы: канарейки в угольной шахте

Неизбирательное массовое убийство (НМУ) – это не разновидность бытовых преступлений, а разновидность политического насилия – терроризма. Если быть точнее, это акты агрессии, совершаемые террористами-смертниками, поскольку подавляющее их большинство уничтожается полицией, либо подвергается смертной казни по приговору суда (или, в лучшем случае, они умирают в социальном смысле, поскольку их пожизненно запирают за решеткой). Это не случайные убийства без мотива. Мотив заключается не в убийстве конкретного человека или людей, а в нанесении удара по социальной группе, общественному институту или по обществу в целом.

Гнев или ярость – наверное, универсальный знаменатель в мотивации, приводящей к агрессии, связанной с НМУ. Нам неизвестно, что именно подвигло Адама Лэнзу на совершение бойни в школе Сэнди Хук, но мы знаем, что им двигала ярость. Шестилетняя девочка, которая выжила, притворившись мертвой, описала человека, стрелявшего в ее мать, как «очень злого дядю».

Стреляющие в приступе буйства или неистовства часто позиционируют себя моралистическими карателями, наносящими удар по вопиющей несправедливости. Как писал Адам Лэнкфорд в *New York Times*, общая черта людей, открывающих беспорядочную

стрельбу, и террористов-самоубийц – «ощущение себя глубоко в душе жертвой и убеждение в том, что жизнь убийцы погубил некто другой, издевавшийся над ним, угнетавший или преследовавший его». Однако этот «некто другой» – не человек, а группа, организация, учреждение, общественный институт или все общество, виновное в бедах убийцы.

Частота НМУ зависит, прежде всего, от состояния общества; она увеличивается с ростом социального напряжения, становящегося причиной нестабильности. По мере того, как дух сотрудничества в американском обществе угасал на протяжении последних четырех десятилетий, а конкуренция внутри общества обострялась, все большее число ранимых людей считает себя жертвами, над которыми издеваются, которых угнетают. И очень малая доля этих людей решает стать террористами-самоубийцами, чтобы отомстить.

За этими изменениями в обществе стоят две фундаментальные силы, две структурно-демографические тенденции: обнищание народа и перепроизводство элиты. Первая связана с ухудшением условий труда; вторая – с растущим социальным давлением на университетский кампус и начальную школу. Давайте напомним себе, что все начинается с обнищания народа, после чего происходит перепроизводство элиты. Вот почему самые первые случаи беспорядочной стрельбы происходили на рабочем месте, в офисах, а затем НМУ перекинулись на образовательные учреждения. В последние несколько лет мы видим растущее число третьего вида агрессии, направленной против государства и его представителей.

Главное значение беспорядочной стрельбы в общественных местах – не в количестве убитых, поскольку число жертв террористов невелико в сравнении с общим числом насильственных смертей в США или с числом жертв автодорожных происшествий. Неизбирательные массовые убийства – это единичные случаи, которые не приведут к краху государства или к началу гражданской войны. Однако нам стоит беспокоиться об НМУ потому, что это внешние признаки или показатели крайне тревожных негативных тенденций, прокладывающих себе путь в глубинных слоях американского общества.

В XIX веке шахтеры брали с собой в угольный забой клетку с канарейкой. Если птичка вдруг падала мертвой, это означало, что смертельный угарный газ просачивается в шахту, и нужно начинать немедленную эвакуацию. Рост числа массовых убийств в Америке в последние несколько десятилетий – это все равно, как если бы канарейки стали гибнуть вокруг всех нас, предупреждая о приближении страшных бед. Это ранний признак или индикатор того, что нечто вокруг нас меняется к худшему. НМУ предупреждают нас о более серьезной опасности в будущем, но не являются причиной этой приближающейся опасности.

Дополнительное чтение

1. Goldstone, Jack A. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
2. Collins, Randall. 1993. "Maturation of the state-centered theory of revolution and ideology." *Sociological Theory* no. 11:117-128.
3. Turchin, Peter. 2003. *Historical dynamics: why states rise and fall*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
4. Turchin, Peter, and Sergey Nefedov. 2009. *Secular cycles*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
5. Turchin P. 2008. *Why Are Killing Rampages Increasing?* My article on IMMs published by the *Freakonomics* blog on the *New York Times* in 2008: <http://freakonomics.com/2008/09/17/why-are-killing-rampages-increasing-a-guest-post/>
6. Nefedov, S A. 2005. *Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005.*
7. Korotayev, Andrey, Artemy Malkov, and Daria Khaltourina. 2006. *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends*. Moscow: URSS.
8. Korotayev, Andrey, Julia Zinkina, Svetlana Kobzeva, Justislav Bozhevolnov, Daria Khaltourina, Artemy Malkov, and Sergey Malkov. 2011. "A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia." *Cliodynamics* no. 2:276–303.

#Valdaiclub

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ